

*Посвящается моим бабушкам
Кате и Гале.*

*И тем, кто меня когда-то
по-настоящему любил*

Вот уже три года меня зовут Миранда Зомберг. Я не удовлетворена своей жизнью, и это меня радует. Мне постоянно хочется все вокруг улучшать — делать красивее и устойчивее. При этом сейчас

у меня объективно все хорошо: есть здоровье, деньги, ювелирный бизнес, верные друзья, ум, красота и даже такая роскошь, как взаимная любовь. Но прийти в эту точку мне позволило только мое вечное недовольство и желание большего. Поймите правильно,

я умею ценить то, что имею, но «хотелка» работает нон-стоп. Мой девиз: «Лучше отказаться от хорошего, чтобы получить лучшее». Я вставала и уходила всякий раз, когда мне казалось, что могу оказаться в месте получше.

Наверное, стоит сказать, что я не хочу вызывать своей книгой каких-то определенных эмоций. Я просто предлагаю читателю возможность быстро, как в кинофильме, увидеть двадцать пять лет моей жизни. Почему вас должно это заинтересовать?

Мой девиз: «Лучше отказаться от хорошего, чтобы получить лучшее». Я вставала и уходила всякий раз, когда мне казалось, что могу оказаться в месте получше.

Ну, наверное, потому что... Я сменила пол семь лет назад. Нет. Стоп.

Потому что я — одна из немногих, кто готов об этом говорить открыто. Да нет же! По новой!

Потому что, обладая одним важным ресурсом, я смогла вырваться из ада и превратить свою жизнь в захватывающее приключение.

Мое детство можно поделить на две части: первая — когда мы жили с отцом, и вторая — когда мама собрала вещи и уехала со мной на Кавказ.

Все мои воспоминания до семилетнего возраста будто скомкались в один год жизни: помню лишь череду ярких событий, но, когда именно они произошли и сколько мне тогда было лет, затрудняюсь сказать.

«Чудо в перьях!» — так меня называла нянечка в детском саду, в который я не очень любила ходить. Наверное, там я впервые ощутила, что меня принимают за кого-то другого. Все девочки хотели со мной дружить, потому что я была той самой «классной девочкой» — ведь самые красивые куклы были именно у меня. С вечера мы с мамой готовили огромный пакет с игрушками, и я была единственная, кто брал с собой в садик так много всего. Если у кого-то появлялась кукла покруче, то мне была необходима такая же, и как можно скорее. До сих пор помню куклу-русалку с шикарным блестящим хвостом. Увидев ее у девочки из группы, я буквально помешалась, и мама купила мне такую же. Не подумайте, что я была капризным и требовательным ребенком: истерик

посреди магазина я никогда не закатывала. Я скромно просила, а если не получала, просто оставалась со своими грезами наедине. Но, как правило, мои маленькие мечты всегда сбывались. Я только сейчас поняла, как много у меня связано с игрушками и как я благодарна своей семье за веру в «сбычу мечт».

Мне было года четыре, когда я попросила плюшевого Тигру из «Винни-Пуха». Его мне не купили, но после выхода из магазина, в машине, бабушка вручила мне моего нового оранжевого друга. Как же это ценно. Мне ведь двадцать пять лет, а я до сих пор помню эти волшебные эмоции всепоглощающей любви. Ох, а однажды с отцом мы зашли в магазин «Империал» рядом с домом, и он мне купил Барби. Помню, это была простая прихоть и кукла не очень мне нравилась, но тогда я услышала от него то, что до сих пор отчетливо звучит в ушах: «Лучше бы ты девочкой родился». Это было сказано без негатива, просто как факт.

* * *

В детском саду я подралась в первый и последний раз в жизни. Когда самый мерзкий мальчик из группы подсел ко мне и стал трогать мои игрушки, я решила дать отпор. Ударив его по лицу кулаком и молниеносно получив такую же ответку, я громко расплакалась и начала пинать его ногами, а он меня. Он не плакал,

а я кричала: «Как я теперь пойду на праздник!» Тогда я поняла раз и навсегда, что это не мой формат выяснения отношений.

О, а еще был эпизод, когда я случайно наступила на какую-то деталь конструктора, который принадлежал сыну одной воспитательницы. Они были похожи как две капли воды: очень длинные, с вытянутыми лицами и мертвыми глазами. Жуть. Этот чертеныш пожаловался матери, и она приказала мне принести клей. Они так меня пугали всем своим видом, что я каждый день умоляла маму купить клей, а она постоянно забывала это сделать. О боже! До сих пор помню это

«Чудо в перьях!» — так меня называла нянечка в детском саду, в который я не очень любила ходить. Наверное, там я впервые ощутила, что меня принимают за кого-то другого.

ощущение страха. Ведь я была неправа, и крыть было нечем. Мне снились кошмары о том, как воспитательница с сыном расправляются со мной. Клей мы так и не купили, а мальчишки из моей группы окончательно стали мне врагами, приняв сторону моих гонителей.

Зато с девочками у меня была крепкая дружба. Причем я всегда предпочитала общение тет-а-тет. Компании я не перевариваю до сих пор. Помню, как две девочки из-за меня подрались! Интересно, какой у них был истинный мотив. А еще интереснее, как они меня воспринимали. Мне казалось, что мы подружки.

Вообще не помню, чтобы в раннем детстве я ассоциировала себя с мальчиками. Но помню мое потрясение, когда я впервые увидела вагину. Мама пришла забрать меня пораньше из сада, а на скамейке напротив другая мать помогала переодеваться своей дочери. И вот тогда я впервые увидела то, что породило во мне много вопросов. У меня все не так! Скажу, что ощущения были до крайности странными и ни на что не похожими. Даже сейчас чувствую себя не в своей тарелке, когда вспоминаю об этом. Брррр.

В детском садике началось мое отчуждение от общества. Я была другая. Непохожая. Я подбегала на прогулке к железной сетке, смотрела в сторону своего дома и очень ждала, когда меня заберут. Я боялась, что этого не случится. Однажды я нашла у сетки птенца. Не помню, был ли он жив, но он был всеми покинут. Я даже попыталась его спасти. Вдруг меня тут оставят так же, как его?! Что, если я не вернусь к себе домой и меня больше не будут так сильно любить? Какое было удовольствие прижаться к маме, когда она за мной все-таки возвращалась. Особенно зимой, когда я утыкалась в ее длинную норковую шубу и прохладный мех ласкал мои щечки, а мама обнимала меня. Мамочка, все было так по-другому тогда: я ощущала твою любовь и то, что нужна тебе.

К моему счастью, большую часть времени я все-таки проводила с мамой. Она не работала, поэтому я сидела

с ней на кухне, наблюдая, как она готовит, или играла наедине. Думаю, мне было около пяти лет, когда мама стала водить. Кажется, ее первой машиной была Toyota Chaser. Как мы любили кататься! Ездили вместе за продуктами, часто брали с собой бабу Катю.

* * *

Мама близко дружила только со своей двоюродной сестрой Ольгой и с Ингой. В детстве я была уверена, что именно я познакомила с Ингой маму. Мы тогда приехали в поселок Аршан всей семьей: мама, папа и я. Это был наш единственный совместный отдых. Я вышла из номера и играла одна в длинных коридорах отеля. Вдруг появилась молодая блондинка с пухлыми губами, огромными глазами и пышными формами. Инга производила впечатление очень манкой женщины и пахла эталонным в то время парфюмом Lanvin Éclat d'Arpège. Мне даже захотелось быть на нее похожей. Мы разговорились с Ингой, и так я узнала, что у нее есть дочь чуть постарше меня, которая тоже обожает Барби. В тот момент познакомиться с Машей стало моей целью. И конечно, Инга должна была сообщить моей маме, где достать куклу моей мечты — беременную, которая была у ее дочери. Вот так, судя по обрывкам моих детских воспоминаний, и произошло это знакомство.

На деле же все было иначе. Как я догадываюсь теперь, мой отец вел дела с братом Инги по кличке Микроб. Дела были явно бандитскими. А вот ее муж на тот момент был при других делах — связанных с ЮКОСом. Сейчас он сидит в тюрьме.

С тех пор таким квартетом — мы с мамой, Инга и Оля (я ее никогда не называла тетей, только по имени) — мы часто проводили время. Иногда к нам присоединялась дочь Ольги Эля.

Имя Эле дала моя мама. Она младше меня на пять лет. Мы с Элей были очень близки в детстве: одинаковые игрушки, одинаковые рейтузы, ей даже перешел по наследству мой горшок в виде большого желто-оранжевого слона с глубокими синими глазами.

Уже тогда у меня начало формироваться отношение к мужчинам. Для меня это были странные субьекты, которые появляются из ниоткуда, а потом исчезают в никуда.

Инга никогда не брала с собой Машу, и в этом я чувствовала свое превосходство перед ней. Хоть она и была чуточку старше меня, во взрослых разговорах она участия не принимала.

Я всегда чувствовала себя комфортно в обществе взрослых людей, и мне казалось, что они воспринимают меня как ровню.

До меня часто доносились обращенные к моей матери фразы о том, «какой у нее все-таки умный ребенок». Моему развитию уделяли много внимания: спортивно-

бальные танцы, уроки английского языка, чтение. Мне искренне нравилось заниматься всем этим, но особенно я любила очаровывать взрослых.

Вы наверняка решите, что меня допускали до взрослого мира, рассчитывая на мое непонимание. Но поверьте, я знала все их секреты, давала советы и была свидетельницей эпизодов, которые, возможно, были мне не по возрасту, но многому меня научили. Сегодня я, став их ровесницей, благодарна им за это.

Вообще я чувствовала себя среди них маленькой женщиной. Мне даже казалось, что я знаю лучше и больше, чем они. Помню, как представляла себя молодой девушкой, одетой во все белое: на мне брюки клеш, водолазка, шубка, остроносые сапоги на шпильке, у меня аккуратно уложенные кончиками вовнутрь каштановые волосы чуть ниже плеч, я еду на белом джипе и почему-то приезжаю в свой детский сад, но все мои одноклассники — еще дети, а я уже взрослая.

Уже тогда у меня начало формироваться отношение к мужчинам. Для меня это были странные субъекты, которые появляются из ниоткуда, а потом исчезают в никуда. Справедливости ради надо сказать, что иногда они оказывались рыцарями-спасителями. Например, однажды зимой мы заглохли с мамой на дороге, но приехал приятель Инги и довез нас на своем Land Cruiser. По дороге он пытался флиртовать с мамой, но она очень сдержанно и спокойно ответила, оборачиваясь на меня

с переднего сиденья, что замужем и у нее есть ребенок. Он с пониманием снял с зеркала заднего вида брелок в виде боксерских перчаток и подарил его мне. Милый жест. Хотя бокс меня не очаровывал, но вот теплота со стороны мужчины...

* * *

Я не очень помню прямое участие отца в моей жизни. Ну был поход в зоопарк, был подарок в виде светящейся палочки. Еще он напугал меня, натянув на себя уродливую резиновую маску, наорал на меня за мой испуганный плач и сказал матери: «Заткни этого ублюдка». Друг отца, присутствовавший при этой сцене, встал на мою сторону и сумел меня тогда успокоить. О своем отце плохого я помню больше, поэтому я переполнена обидой. И чуть ли не в каждом мужчине я вижу его и поступаю всегда так, чтобы показать свое превосходство: «Я могу без тебя. Я ненавижу тебя. Смотри, что ты безвозвратно потерял».

Мой отец страшно избивал мать. Мы с семьей переехали от бабы Кати в отдельную квартиру в 1999 году, и с тех пор отец слетел с катушек. Стало больше наркотиков, больше неадекватных состояний, сплошные скандалы и животные оры.

У наркоманов абсолютно нечеловеческое поведение: они зависают, как роботы, их взгляд ужасен. За несколь-

ко лет, проведенных с наркоманом в одном доме, я научилась моментально определять торчка. «Глаза как у бешеного таракана» — так мы женской половиной семьи называли дикий взгляд кайфариков с бегающими зрачками.

Я так ненавидела отца, что была настроена его убить. Как-то мы были дома втроем, смотрели телевизор, и вдруг он попросил принести ему сок. Я вызвалась это сделать. Пошла на кухню, налила сок и туда же плеснула водки. По моему детскому предположению, эта штука должна была сжечь его изнутри. Я поднесла стакан, предвкушая страдания этого чудовища. Он сделал глоток и с ожесточением посмотрел на меня: «Там что, водка? Олеся, на, попробуй!» Она все поняла, отпила из стакана и сказала, что ничего не чувствует. Господи.

Я не оставляла попыток избавиться от него и позже, когда он обменял наш черный Chaser на полтора килограмма «белого». Я подошла к пакету, стоявшему на стиральной машине, и натерла туда мыло. Мама увидела и быстро все убрала, попросив меня больше никогда так не делать.

Баба Катя пыталась спасти сына, не дать ему уничтожить себя. Она не хотела, чтобы с ним случилось то же, что с ее племянником. Тому было восемнадцать лет, когда его сажали в деревне на цепь, чтобы не сбежал. Но однажды, когда вся семья была дома, он зашел в туалет, укололся и умер там же от передозировки. Об

этом невозможно писать без слез, это раздирает сердце. Мне жаль не этих ребят, а их матерей. Но, думаю, своей безотказной любовью эти женщины убили своих детей.

* * *

Баба Катя была цыганкой. Она прожила очень непростую жизнь, и у нее сложный характер. Но бабушка оказала на меня огромное влияние, надо сказать, позитивное. Правда, ей удалось навязать мне глубокое чувство вины, но, поверьте, в моем случае это наименьшее из зол. У нее часто бывали сильные приступы головной боли. Помню, как однажды мы пришли к ней с мамой, а она от боли била руками по оконному стеклу и кричала. Мама стояла и плакала.

Моя Катя родилась с больными ножками и первые два года жизни провела в больнице. Врачи предлагали ее родителям отказаться от нее, но они ее не оставили. Впоследствии она безгранично любила своего отца, Иннокентия, а вот мать, бабушку Женю, недолюбливала. С первого класса Катя со своей младшей сестрой Таней вместо уроков «ходили по карманам», после чего их мать с удовлетворением вытряхивала из их школьных портфелей деньги и кошельки. Обе они окончили только восемь классов школы и рано повзрослели.

Катя вышла замуж в пятнадцать лет. Ее муж Петр был очень красивым мужчиной, зеленоглазым Казановой

и жутким алкоголиком. У него было четырнадцать братьев и сестер. Катя должна была обстирывать и кормить всю эту ораву, пока Петька гулял направо и налево. В 1975 году родился мой отец Саша. Петр в то время сидел в тюрьме. Катя же продолжала промышлять щипательством, а когда Саша подрос, брала «на дело» и его. Они заходили в автобус, Катя высматривала какую-нибудь дорого одетую бабенку, незаметно доставала у нее «гануро» (кошелек на цыганском), а потом сильно щипала маленького Сашу: «Ру! Ракир, со ту чадэс!»¹ «Ой, остановите автобус, ребенку плохо!» — кричала она. Автобус останавливался, они выходили. Дальше Сашеньке надо было сделать вид, что его тошнит в кустах, а потом они убежали.

Бедный Саша натерпелся. Когда Петька спустя шесть лет вернулся из тюрьмы, он часто напивался. В таком состоянии он хватал нож и гонялся за женой и ребенком по всему микрорайону. Они прятались от него в кустах или у соседей. Не помню, в какой момент бабушка Катя ушла от Петра. Знаю, что сына в первый класс она не проводила: ее поймали. «Помнишь, сука, как мы обещали вас, маленьких, посадить? Положи сюда пальцы», — сказал в отделении мент и со всей силы прищемил ей пальцы ящиком письменного стола. Бабушку действительно несколько раз ловили с сестрой по малолетству. Попадалась она и с грудным Санечкой. Но тогда судья

---

¹ Плачь! Говори, что тебя тошнит (цыг.).

была очарована моим маленьким папой — темненьким, хорошеньким малышом — и дала Кате условное. Но на этот раз ей дали четыре года.

Саша рос, окруженный женской заботой и лаской: пока Катя была «на зоне», его воспитывали моя прабабушка Женя и ее дочь Света. Но хотя мой отец рос среди женщин, в нем не было ничего женского, он был самым настоящим мужчиной.

Не знаю, почему после такого тяжелого опыта в детстве мой папа проделывал все то же самое с нами. Когда он отводил маму в комнату, я прислушивалась и ждала момента, когда побегу к телефону и закричу бабе Кате в трубку: «Баба, папа маму бьет! Приходи скорее!» Мы жили в соседних домах, поэтому бабушка всегда быстро прибегала и защищала маму. Иногда она забирала нас ночевать к себе.

* * *

Мою маму звали Олеся. Как я понимаю, ей тоже не повезло с отцом. Я не застала своего деда в живых и очень мало о нем знаю.

Всю жизнь я думала, что во мне от дедушки по маме есть русская кровь, а оказалось, что он был приемным ребенком литовского происхождения. Настоящая его фамилия была Балалинус, а не Лотошко, которую носила моя мама. Мамин отец был начитанным, интеллигент-

ным и очень общительным человеком. В селе Биликтуй за ним выстраивалась очередь из девушек, но он был безумно влюблен в мою бабушку Галю. Они поженились и родили двоих детей — Олесю и через два года Ярослава — дядю Славу.

Позднее у деда начался самый настоящий алкоголизм. Он умер якобы от сердечной недостаточности, но, мне кажется, такой диагноз патологоанатомы ставят, когда не хотят заморачиваться.

Вскоре после его смерти бабушка переехала с детьми к другому мужчине в поселок Тельма. Но мою маму такой расклад не устраивал, и в пятнадцать лет она поселилась у своей тети Нелли в городе Ангарске.

* * *

Маме было семнадцать, когда она появилась на дне рождения своего приятеля в сопровождении своего парня Андрея. О нем я упоминаю здесь только потому, что впоследствии он станет ключевой фигурой моей истории. Однако после этой вечеринки Андрей ушел со сцены, потому что на празднике маму заметил черноволосый красавец цыган. Баба Катя рассказывает, что папа с той поры постоянно бегал к телефонному автомату, но не признавался, кому звонит.

Зимой 1991 года Саша привел Олесю домой, к своей матери. Он сказал, что любит ее и собирается на ней

жениться. Олеся была уже беременна. Бабушка Катя не хотела, чтобы сын так рано повзрослел. Она предложила им повременить со свадьбой и настояла на аборте. Мои родители послушались, и это не помешало им остаться вместе.

После аборта маме пришлось долго лечиться, чтобы забеременеть. Кстати, об этом аборте я знаю с детства, поэтому для меня прерывание беременности нормально, и я поддерживаю женщин в таком решении, если оно необходимо.

Олесе нравилось быть частью этой семьи. Мама была достаточно близка со своей свекровью. Баба Катя научила ее тому, чему не научила родная мать. «Ну вы меня заразили этой готовкой! Я не могу теперь остановиться», — говорила мама бабушке. Мы часто проводили время втроем, у нас много совместных фотографий.

24 декабря 1995 года родилась я. Все были счастливы моему появлению. Мы жили в небольшой, но уютной двушке вчетвером: мама, папа, я и бабушка Катя.

В 1999 году мы переехали в просторную четырехкомнатную квартиру в соседнем доме. 22-11-62 — адрес моей семьи, которой больше нет. Но сейчас эта потеря уже не ощущается, потому что той моей жизни тоже нет.

Небольшой отрезок пути от бабушкиного дома к нашему навсегда врезался в мою память, я даже помню его аромат — запах прохлады, цветущих одуванчиков и озона. Иногда мне удастся уловить его даже сейчас,

и тогда мне кажется, что я все еще иду где-то там по улице.

В нашей квартире до нас случился сильный пожар, в котором погибли люди. Соседи говорили, что там постоянно кто-то умирал. Я впервые побывала там, когда на стенах еще были следы пожара. Стены этой квартиры были пропитаны страхом. Они закоптились в прямом и переносном смысле.

* * *

Папа дарил маме красные розы и белые лилии. Вы же согласитесь, что дом с живыми цветами не может принадлежать несчастным людям? Это всегда про счастье и любовь. Значит, все это было, но потом безвозвратно ушло.

У меня даже был кролик. Представляете? Мне подали живого белого кролика. Я была прямо-таки Алисой в Стране чудес! Он жил с нами, а потом в деревне у бабы Гали. Она, кстати, нечасто к нам приезжала. И мама была не то чтобы в восторге от ее визитов. Баба Галя привозила картошку с собственного огорода, мясо и все, что называют «домашним». От бабы Гали пахло землей и подвальным холодом, а от бабы Кати — тягучим и теплым парфюмом. Они были очень разными, и тянуло меня больше ко второй.

Помню, как папа вернулся домой и кидал деньги в воздух, а мы с мамой собирали их, ползая на карачках.

Это было весело, и все мы выглядели довольными. Потом я стала узнавать, откуда эти деньги и что за ними стоит.

Отец учился на юриста, но бросил институт после второго курса, чтобы кормить семью. Он начал торговать шапками, потом машинами, а потом квартирами.

Но какой бизнес в конце 1990-х не был связан с бандитизмом? У нас дома всегда было оружие. Однажды, когда мне было два года, отец чуть не застрелил меня. Я крутилась возле него, а он держал ружье. Патрон пролетел в миллиметре от меня и впился в стену.

Я уже говорила, что меня посвящали во все взрослые дела, поэтому довольно скоро я узнала, что мой отец замешан в наркообороте. Он и сам вскоре «подсел» на иглу. А начал с безобидной, как многие считают, травки.

Еще когда мы жили с бабушкой, она стала замечать странное поведение отца. По ночам отец уходил от нас на кухню и спал там на матрасе. На вопросы бабушки он отвечал, что у него бессонница и он не хочет мешать нам. А на самом деле он пытался перебороть тягу и не мог уснуть из-за ломки.

Однажды, уже в нашей квартире, баба Катя застала отца на балконе, когда он что-то нюхал через бутылку, поочередно закрывая ноздри. Был жуткий скандал с криками, слезами и вопрошаниями.

Но скандалы никогда ничего не решают. У отца после этого будто бы развязались руки, он уже никого не стеснялся и принимал наркотики в открытую.

Я видела через приоткрытую дверь ванной, как он пускал по вене героин и зависал над раковиной. Это страшно. Самый настоящий эффект «зловещей долины»: перед тобой вроде бы человек, но выглядит и ведет он себя не так, как живое существо. Почти не помню отца в хорошем расположении духа. Было спокойно только в его отсутствие — к счастью, это случалось довольно часто и подолгу.

Бабушка Катя винит во всем папиных друзей, считая, что они позавидовали успехам и решили разрушить его жизнь. По моим же воспоминаниям, друзья у отца были вполне приятными людьми и, кстати, редкими красавцами. Я была очарована ими. Как-то раз, когда к нам в гости пришел один из папиных приятелей, я плавала в ванне — это было моим любимым занятием. Он подошел, присел на корточки и спросил: «Ты русалочка?» Я уверена, что мою девичью кокетливую натуру мужчины чувствовали всегда.

Догадываюсь, что кто-то действительно нам завидовал. Однажды я нашла в нашем почтовом ящике клочок скрученных темных волос.

А еще к нам домой постоянно залетали птицы. Мне запомнился один воробей: мама кое-как его поймала и, держа в ладонях, дала мне его погладить. У него были такие напуганные глаза, а биение сердечка чувствовалось во всем тельце.

Когда пришло время отдать меня в какую-либо секцию, родители выбрали спортивно-бальные танцы. Ин-

тересно, да? Не хоккеей, который был так популярен в городе, не бокс, а именно танцы.

Занятия проходили в большом зале со сценой, покрытой звонким паркетом, и с бордовыми сиденьями для зрителей. Преподавателей было двое — мужчина и женщина. Кажется, они были женаты. Совсем не помню, как выглядела она, но помню мужчину: очень скромного роста, с уложенными русыми волосами, голубыми глазами и запахом свежего пота. Мне было не очень приятно танцевать с ним, держа его за руки и встречаясь с ним взглядом, — уже тогда я предпочитала иметь дело с женщинами. Когда же мне все-таки случилось оказаться с преподавателем в паре, я приходила в огромное смущение и чувствовала себя «грязной». И однажды задала маме вопрос: «Когда учитель со мной танцует, это значит, я изменяю папе?»

Влечение к мужчинам я осознала довольно рано. Постоянно влюблялась в актеров сериалов, в принцев из мультиков, а Бэтмен меня совершенно заворожил. Всегда, когда дело касалось ролевых игр, например в «дочки-матери», я занимала женскую позицию. Помню, как предложила двоюродному брату сыграть в доктора и медсестру. Догадайтесь, кто был медсестрой в белой футболке а-ля коротенькое платье?

Но у меня была возлюбленная девочка — Лера с нашего двора. Я приходила домой и говорила, что хочу с Лерой в лагерь, хотя она и рыгает. Все домашние были в восторге.

Но поцелуев или нежных прикосновений у меня ни с кем не было.

Мужская физиология для меня была недоступна. Если голых женщин в детстве я видела, когда была с мамой в бассейне или в солярии, то мужчин — никогда. Даже если отец просил подать ему полотенце в ванную, он обращался к маме. Она же ему говорила: «Пусть видит, как будет у него, когда вырастет».

* * *

У мамы была полная свобода действий. Она не работала, деньги были всегда в избытке, у нее была машина. Когда я утром просыпалась и шла на кухню, мама уже что-нибудь успевала приготовить. Мой любимый завтрак с детства — творог со сметаной и сахаром, батон и чай с молоком. Иногда готовлю себе такой завтрак и сейчас, а еще включаю при этом мультики. Инфантильно, но я люблю баловать ребенка внутри меня. Мне его жалко.

Маминым хобби была косметика Oriflame. Мы вместе ездили в просторный светлый офис компании. Я обожала слоняться по этому большому зданию и представлять себе увлекательные сценарии, например, как со своими воображаемыми друзьями ищут клад. Наверняка многих из вас захватывает ностальгия по каталогам с ароматизированными страничками. Мой первый парфюм был от Oriflame — с тропическими фруктами и кокосом...

Я обожала многие штуки этой марки, и мама всегда заказывала то, что я просила. Маме хотелось получить статус бриллиантового директора, а я ею очень гордилась.

Еще она ходила на курсы по дизайну интерьера. Я тоже бывала там с ней за компанию. Все делали бумажные домики, но не помню, чтобы мама ими занималась. Она достаточно быстро забросила это дело. Интересно почему.

Мы вечно куда-то ездили с ней, не скучали дома: катались по гостям, по магазинам. Мне нравилось бывать в гостях у Инги — играть в The Sims с ее дочкой Машей или рассматривать ее куклу из Израиля — шикарную мулатку с пышной копной мелированных волос и нарядом по моде того времени, — которую она даже не позволяла доставать из коробки. У них дома была особенная атмосфера благополучия, счастья и большой семьи, хотя, прежде чем ехать к ним, мама каждый раз спрашивала у Инги по телефону: «Баженюк дома?» Уже во взрослой жизни я поняла, что ни к чему сводить своего мужчину с подружками. А то, знаете, искры могут промелькнуть или вспыхнет конфликт, который обяжет занять чью-то сторону.

* * *

Мой папа... Я стала узнавать его только сейчас, когда начала вынимать из своей памяти и памяти близких обрывки воспоминаний.

Его так отчаянно пытались лечить. Сначала на вертолете увезли куда-то в таежную деревню, в какой-то реабилитационный центр для наркоманов. Какое-то время он был чистым, но потом все пошло по новой.

Дальше был наркологический центр. Баба Катя рассказывает, что там на отца было невыносимо смотреть: его тело свернулось так, будто его обвили колючей проволокой. Он не мог пошевелить даже пальцами рук. Ломка. Это кошмарное слово, которое я боюсь слышать. Отец попросил бабушку принести обезболивающие таблетки с наркотиком, чтобы ему стало легче, и она достала их через свою подругу. Я не осуждаю бабушку: поступить иначе, глядя на своего страдающего сына, сложно. После приема таблеток у отца на глазах стали распрямляться конечности и он стал приходить в себя. Потом его даже искусственно вводили в кому, чтобы организм во сне боролся с зависимостью.

Затем была психушка. Само здание с решетками на окнах внушало леденящий ужас. Отца привязывали ремнями к кровати. Помню, как мы приносили ему продукты, которые надо было упаковать особым образом, чтобы проверяющие могли все досмотреть.

Мне казалось, что папу вылечат и все изменится. Однако ничего не менялось. По крайней мере, проблески длились не дольше недели.

Наша жизнь становилась все хуже. Отец терял человеческие ориентиры. Мама была постоянно избита. Мы

ездили с ней за дозой для него. Я знала, как вести себя, если нас остановит милиция. Нужно было говорить, что меня тошнит, и, отбегая как можно дальше, выбрасывать «чеки» с героином.

Мама пыталась уходить от отца. Однажды ночью мы собрали кое-какие вещи в огромную клетчатую китайскую сумку. Мать прихватила большой кухонный нож на всякий случай, и на попутках мы доехали до бабы Гали в Тельму, которая находилась в двадцати километрах от Ангарска.

Естественно, нас возвращали. Я уверена, что и маме не хотелось расставаться с жизнью, к которой она привыкла, — в ней определенно были свои плюсы. Я тоже довольно быстро начинала скучать по бабе Кате — у нас с ней была и сохраняется сильная связь. И, как вы сами понимаете, все начиналось сначала...

Состояние отца ухудшалось в геометрической прогрессии. Он уже был готов променять на наркотики всё и всех. Начались звонки. Мы с мамой по второму домашнему телефону подслушивали разговоры отца. Звонила его любовница. Да, вот так, в открытую. Она спрашивала, любит ли он ее... Ха! Наивняк. Мама держала лицо, но нам обеим было понятно, что это конец.

Не знаю, дали ли маме карт-бланш эти звонки, но в ее жизни снова появился Андрей. Помните, я рассказывала о нем? Они были когда-то вместе.

Началось это так. Мы с мамой, как обычно, приехали в гости к Оле и Эле. И пока я играла со своей сестрой,

пришел мужчина — высокий голубоглазый блондин, полная противоположность отцу. У него были резкие, угловатые движения. Он подошел к нам с Элей и подарил по киндер-сюрпризу.

Я была в недоумении. Но мама расцвела: она выглядела такой прекрасной, как никогда прежде.

Когда мы сели в машину, мама заплакала: «Я люблю его». Но это было понятно и без слов. Я пообещала никогда не говорить о нем при папе. Мне можно доверять секреты.

Андрей стал часто появляться. Он старался меня расположить к себе. Сначала встречи проходили в присутствии Оли и Эли. Он подарил нам модные тогда электрические щетки: мне в виде красной машинки, а Эле розовую с принцессой. Мне хотелось поменяться. Вот папа знал, что мне нужно дарить куклы, а не уродливые машинки...

Тогда же у меня появился настоящий парик. У меня и раньше были парики из «дождика», но мне хотелось настоящие длинные волосы. Мои желания уже ни у кого не вызывали удивления. Я всегда, буквально с подгузников, любила переодеваться в учительниц, медсестер, принцесс, да и просто разгуливать на каблуках. И вот мама купила мне парик из очень длинных, как мне тогда казалось, каштановых волос с челкой. Его примерил Андрей и стал копией Димы Маликова, которого мы с мамой обожали слушать в машине. Парик стал моей

любимой игрушкой. Помню, каким он был на ощупь, как пах чем-то сладковатым. Он был моей идеальной прической, с чуть подкрученными кончиками вовнутрь.

Андрей до сих пор вызывает у меня множество вопросов. Я видела, что он не так состоятелен, как мы. Он работал охранником в ресторане, у него не было машины. Мама привыкла к другому. По рассказам я знаю, что у Андрея раньше была женщина — «чокнутая истеричка», которая набрасывалась на него и расцарапывала ногтями. Но ее двоих детей он любил как собственных, особенно девочку, которая была чуть постарше меня.

Андрей показывал мне фотографии своей дочурки, и мне запомнился портрет, выполненный по его заказу. Это была огромная картина, на которой лицо девочки было дописано к фигуре леди в шикарном зеленом бархатном платье на кринолине. Я надеялась, что он закажет и для меня такой же.

Но Андрей сделал совсем другой подарок. Ни за что не угадаете какой. Это был огромный мадагаскарский таракан! Он притащил его в стеклянной банке. И мы с мамой принесли его домой. Папа был в шоке. Он хотел выбросить это чудовище. Но надо было избавляться от другого таракана, покрупнее. Забавно, но этот рыжий уродец по имени Яша жил с нами еще долго и даже пролетел несколько тысяч километров в нашу новую жизнь.

Однажды папа, мама и я что-то смотрели дома. Вдруг у отца глаза налились кровью, и он спросил: «Сыночка,